

ВАЛЕРИЯ МАЙСКАЯ

Шева, которая хотела летать

Валерия Майская

Шева, которая хотела летать

«Издательские решения»

Майская В.

Шева, которая хотела летать / В. Майская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507332-7

Шева слишком отличается от своих сверстников и потому не имеет друзей. Она живет в мире, в котором давно исчезли люди, но не исчезли человеческие чувства. Мечта и внезапный друг меняют ее жизнь и переносят котенка в мир забытых легенд, путешествий по измерениям и древних тайн, которые ей придется разгадать.

ISBN 978-5-00-507332-7

© Майская В.
© Издательские решения

Содержание

Один чудаковатый котенок и книжка с майским жуком на обложке	6
Странное древнее чувство и прародитель кошек	14
Знакомство с заброшенным храмом и его обитатели	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Шева, которая хотела летать

Валерия Майская

© Валерия Майская, 2019

ISBN 978-5-0050-7332-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация:

Что остается после того, как исчезает кто-то злой?

Костлявый жадина внезапно узнает, что его смерть найдена случайным проходивцем в яйце, невесть откуда взявшийся домик падает на голову коварной ведьмы, трехголовое чудовище побеждается храбрым рыцарем, и сказка заканчивается.

Шева – котенок, который сильно отличается от своих сверстников и потому не имеет друзей. Она живет в мире, в котором давно исчезли люди, но не исчезли человеческие качества и чувства. Неисполнимая мечта и внезапно обретенный друг переворачивают ее жизнь и переносят ее в мир забытых легенд, путешествий по измерениям и древних тайн, которые ей предстоит разгадать.

Посвящается Е. Даниловой

Один чудаковатый котенок и книжка с майским жуком на обложке

Что остается после того, как исчезает кто-то злой?

Костлявый жадина внезапно узнает, что его смерть найдена случайным проходивцем в яйце, невесть откуда взявшийся домик падает на голову коварной ведьмы, трехголовое чудище побеждается храбрым рыцарем, и сказка заканчивается.

...То есть сказка, конечно, совсем не заканчивается, а всего лишь сменяется на другую. Игруют новые актеры, сцену украшают свежие декорации. Но куда деваются старые? Кто наследует золото, над которым всю жизнь чах злодей? Кто обчищает башню ведьмы и что насчет мрачных планов, которые она только начала претворять в жизнь? Кто заботится о царевне, внезапно обретшей свободу?

И если судьба царевны более-менее понятна тем, кто хоть чуть-чуть разбирается в сказках, то насчет остального точного ответа не может дать никто. Большинство ученых сходятся во мнении, что ничто не исчезает навсегда. Если и настает время исчезнуть, то оно попросту принимает другую форму. То же самое произошло и с людьми.

Вернее, с тем, что они думали и переживали. Чувства и мысли, хотя бы по разу посетившие каждого из них, за всю человеческую историю набрались такой силы, что во время конца света испугались погибнуть вместе со своими хозяевами и спешно повывлезали из их голов в поисках спасения.. Они были вынуждены искать новое пристанище и нашли очень скоро, сменив человеческий разум на звериный.

Большинство зверей встали на задние лапы и обнаружили, что в их голове что-то поселилось. Нет, разумеется, мыслить им случалось и раньше, но мысли прошлых времен показались зверям в тот день не значительно более осенних мушек.

Как бы то ни было, а звери все-таки очень напоминали людей, о которых вспоминали как о существах безрассудных.

История началась в древнем лесу, бывшим одной из самых захолустных метрополий нового мира...

Лес был настолько древним, что еще застал живых людей. В нем, в дереве высокого старого дуба, живет Шева. Шева – маленькая кошечка, ей недавно исполнилось полгода. У нее светло-серая шерстка и полосы по всему телу.

Шева не похожа на своих родителей, потому что те ее не родили, а нашли в зарослях камыша.

Шева всегда это знала.

Кроме этого Шева знала много других вещей. Первым, что оказалось поблизости, как только она научилась читать, была энциклопедия насекомых. Сведения о размахе крыльев, ареале обитания и инкубационном периоде очередной моли завораживали котенка сильнее всякой сказки. Она выучила наизусть порядок иллюстраций и всегда знала, о каком жуке или гусенице пойдет речь на следующем развороте.

Шева любила не всех насекомых.

Чаще всего ей нравились те, которые умели летать. С них-то и начались события, сделавшие ее жизнь непохожей на жизнь всех остальных котят.

Вот здесь, на срубе большого тополя, ее школа. Сюда ходят не только котята, но и бельчата, лисята и многие другие. Их учат многим полезным вещам. В некоторых Шеве нет равных, хоть она и терпеть не может ходить в школу и сидеть на уроках.

Дома несколько этажей. На первом находится кухня, где папа и мама по очереди готовят еду. Тут же и ванная комната. Больше всего Шеве в ней нравится большая синяя ванна – в ней

можно плавать и представлять, будто летишь. На втором этаже спальня мамы и папы, а на третьем – комната Шевы. Комната уютная, на полках у окна Шева хранит коллекцию светлячков, которых кормит каждый день. Папа говорит, что коллекции мертвых существ были только у людей и это еще раз доказывает, какими злыми они были. Из окна Шева любит смотреть на соседние Деревья и не любит – на школу, которую отсюда тоже видно.

В школе папе и маме сразу сказали, что Шева – очень одаренная. Ее талант был в том, что во всей школе не было никого, кто кусался бы лучше. Шева перекусила даже выводок волчат из Белой Пещеры, даже угрюмых ежат-близнецов с зубами-иголками. Она кусала неожиданно, метко и так крепко, что никто не хотел лишний раз мериться с ней силами. Сама она радовалась этому недолго, потому что скоро узнала, что не хочет кусаться.

– Может, тебе нравится царапаться? – тревожилась мама Анфиса.

– Нет, не нравится.

– Или быстро бегать? Я видел, как ты недавно обогнала лисёнка Титу, – говорил папа Барсик, отвлекаясь от книги.

– Нет, нет, нет! Мама, папа, больше всего на свете я хочу... стать мухой!

Мама и папа удивленно переглянулись. Мама от неожиданности прикусила лапку.

– Кем ты хочешь стать?

Папа поднялся из кресла и взял маму за плечи.

– Мухой!

Шева вскинула передние лапки и принялась бегать туда-сюда по кухне, заполняя её песком:

– Мухой, мухой, мухой! Хочу быть мухой!

После этого дня мама с папой начали думать, что с ней что-то не так. Как котенок может летать?

– Тебе придется кусаться и царапаться, когда станешь взрослой. У тебя большое будущее, – любил говорить папа, когда укладывал ее спать.

Шева будто не слышала и с нетерпением ждала своего совершеннолетия. Она была уверена, что именно в этот день у нее вырастут крылья, ведь в это же время они появляются у бабочек. Перед сном Шева любила размышлять о том, какие крылья у нее будут: нежно-белые, похожие на два больших лепестка розы? Или длинные и синие, как у стрекозы? Нет, наверное, они будут как у бабочки-адмирала – желтые, с темными прожилками! Скорее бы дожить до чудесного дня и увидеть.

Мама и папа ложились спать. Мама еще причесывалась у зеркала и говорила папе:

– До совершеннолетия она еще несколько раз передумает. Так происходит со всеми. Я не говорила, что хотела шкурку как у тигра?

– Да кто же внушил все это? Представь, как она расстроится на следующий день рождения!

– Шева еще до школы любила сидеть на окне и наблюдать за светлячками.

– Я знаю. Мы вместе их собирали по ночам.

– То по ночам. А как-то днем она увидела муху, она мне рассказала.

– Чем муха лучше светлячка?

В спальню вбежала Шева и запищала:

– Как чем? Она же летает днем и всех видит, она такая быстрая, так высоко поднимается к кроне дуба!

Папа встал с кровати и ловко подхватил ее на лапы.

– Кто это тут еще не спит и подслушивает чужие разговоры?

– Папа, мне просто страшно. Пускай мама почитает мне сказку.

– Какую сказку ты хочешь? Ох, кажется, я уже знаю!

Мама с папой донесли Шеву до комнаты. Папа положил ее в кроватку и чмокнул в пушистый лоб, а затем оставил их с мамой вдвоем.

Анфиса раскрыла книжку с картинками, на обложке которой красовался майский жук.

Засыпая, Шева прошептала:

– А вот бы учиться в другой школе летать... А не кусать ежей...

– Спи, маленькая мушка.

Мама выключила ночник и подоткнула ее одеяло. Тепло окутало Шеву, как пеленки младенца, и она провалилась в счастливый сон без сновидений.

Утром Шеву разбудили рано – надо было собираться в школу.

Мама одела Шеву в ее любимый костюм – пышную темно-синюю юбку в цветочек и такой же жилет.

– Зубки почищены?

– Почищены, – пробурчала она.

– Что это у нас нет настроения?

– Я не хочу ходить в школу.

– Ох, это я знаю, – мама сунула ей в лапу теплую коробку.

Шева открыла ее. Внутри был рис и мясные тефтели.

– Постарайся с кем-нибудь познакомиться. Тиф и Жав такие хорошие мальчишки.

– Они же волки, ма!

– Все равно ты у нас покусаеть любого волка, тебе их нечего бояться.

Шева любила тефтели.

Идти до школы было всего ничего. С тополя летели рыжие листья и хрустели под лапками, опадая на сырую от ночного дождя землю.. Погода была такой хорошей, что было особенно жаль портить себе настроение школой. Было из-за чего.

В школе Шеву считали угрюмой, ведь у нее всегда была рассерженная мордочка. Поэтому у нее совсем не было друзей. Никто не знал, что на самом деле она была другой – просто в школе слишком неуютно среди незнакомцев и припадочного звонка с перемены на урок. Котенка это расстраивало только на уроках, а дома о своем одиночестве она сразу забывала – там были мама с папой, книги, светлячки и мечта.

У Шевы была мечта, но мечте нравилось, чтобы думали ее только дома. Там Шеве казалось возможным что угодно – так высоко находилась ее комната и так напоминала своей синевой ванна вечернее небо над лесом.

В школе же мечта забивалась в самый дальний угол Шeviной души и не показывалась, пока вокруг сновали одноклассники и учителя. Первые старались задирать ее, и хоть кошечке и удалось сразу поставить их на место, а все-таки находиться среди них было тревожно и даже страшно. Вторые же мягко, но настойчиво намекали, что мечты – не то, что можно будет взять с собой во взрослую жизнь, поэтому стоит сосредоточиться на более важных для нее дисциплинах вроде кусания – тем более что у Шевы был к нему прирожденный талант.

Но сегодня занятия начались не только не со звонка на урок. Они начались с неожиданностей.

Красноцвет – строгая, но добрая серая ящерица – обратилась к классу:

– Ребята, сегодня у нас пополнение. Вашу новую одноклассницу зовут Пиона, постарайтесь с ней подружиться.

Тиф и Жав азартно заулыбались всеми своими клыками. Они были действительно хорошие мальчишки, но любили задирать других. Эта игра доставляла им столько веселья, что они не могли заметить при этом слезы зверят, которых при этом обижали.

Новенькая оказалась маленьким ежиком на вид мрачнее обыкновенного. Она носила коричневый клетчатый сарафан и маленький красный бантик на иголках. Кажется, Пиона нерв-

ничала: иголки на ее спине подымались и опускались, а личико было спрятано за ними, как за хоккейным шлемом, словно она была готова в следующий момент сжаться в клубок.

– Привет, Пиона! – закричали все хором.

– Пиона, присаживайся, пожалуйста, за вон ту парту. Там есть свободное место.

Шева смотрела, как Пиона маленькими шажками проходит мимо Тифа и Жава, белочки Лукреции и мышонка Йоля, лисенка Титу и зайки Теи, котят Тристана и Агафьи и направляется прямо к ее парте.

Шева любила сидеть одна и чувствовала себя странно, когда ей приходилось говорить с одноклассниками. Поэтому она сразу невзлюбила Пиону.

Пиона, похоже, тоже с удовольствием бы сидела одна.

Она шумно опустилась на стул и сразу же поспешила отодвинуться вместе с ним подальше от соседки.

Шева выгнула спинку настолько, насколько позволял модный жилет. Пиона это заметила и еще глубже зарылась в иголки.

– В этом году у нас много новеньких, поэтому вам нужно больше общаться друг с другом. И мне есть чем вас порадовать. Завтра у нас необычный день. Уроков не будет.

Класс взвыл от восторга.

– Вместо этого к завтра каждый из вас готовит небольшое выступление, которое покажет всем остальным его талант. Это может быть что угодно. Главное – не ждите больше всего возможности показать *свой* талант. Помните, что завтра вы в первую очередь узнаете чужие, и потом уж только показываете свои.

Тристан, черный котик с большими золотыми глазами, повернулся к Шеве и Пионе:

– Шева, ты же покажешь завтра, как умеешь перекусывать сталагмиты?

Она действительно умела это делать.

Руки людей оставили после себя много хорошего и плохого. Они сильно изменили природу. Одной из оставленных ими вещей была Фиолетовая Пещера, в которой росли особо крепкие сияющие сталагмиты, похожие на сосульки из драгоценностей – и Шева настолько хорошо кусалась, что перекусывала их пополам.

– С чего ты взял?

– Ну, ты уже показывала такое. Это было так здорово!

«Как можно на него обижаться?», – подумала Шева. «Простачок».

– Нет, у меня завтра будет... другой номер.

– Какой такой номер?

– Еще лучше сталагмитов.

– Это ты уже завираешься!

Тристан подмигнул Пионе, которая от любопытства чуть-чуть вытянулась из клубка. У нее была милая острая мордочка и глаза-пуговицы. Шева аккуратно тронула ее лапкой, как обычно делают котята, знакомясь с окружающим миром. Пиона не спряталась.

– Слишком ты храбрая, – сказала ей Шева.

Пиона гордо улыбнулась и стала похожа на печеное яблочко, часто-часто покрытое морщинками.

Шева точно знала, какой номер покажет одноклассникам.

В ее комнате действительно находилась коллекция живых светлячков. Светлячки были разных-разных цветов: красного, оранжевого, желтого, зеленого, голубого, синего и розового. Она их очень любила и дала им имена, которые не знали даже мама и папа. Но главным светлячковым секретом было даже не это, а то, что Шева каждый вечер выпускала их полетать по комнате. Делалось это не просто так – однажды она открыла, что умеет ими управлять.

Для того чтобы это получилось, Шева делала следующее: сначала садилась на кровать и поджимала под себя задние лапки. Затем закрывала глаза и пыталась ни о чем не думать, что было очень сложно сделать – мыслей в ее голове было много и они почти никогда не хотели замолкать. Но если это все-таки удавалось, то цвета всех светлячков словно начинали стучаться в ее макушку: «Тук-тук, можно к вам войти?». Шевина макушка давно стала для них черным входом, она всегда разрешала им залезть внутрь. После этого освобожденные светлячки роились вокруг нее и никуда не хотели улетать, только если она не разрешала им этого сама. Шева думала о том, где хочет увидеть светлячка – и он летел точно в намеченное место. Но это тоже происходило не просто так. Шева чувствовала себя настоящим дирижером, потому что для управления даже одним светлячком приходилось петь.

Светлячковые песни были знакомы как будто всю жизнь; она никогда не задумывалась, откуда знает их слова. Знала она и то, что весь этот номер не срабатывал ни с какими другими насекомыми – в том числе и с мухами, что ее очень огорчало.

Завтра она возьмет с собой только одну банку. В ней сидит самый большой розовый светлячок. Одно дело – ломать каменные сосульки, даже красивые, а другое – управлять живым светлячком. Шева была уверена в успехе и предвкушала славу Укротительницы Светлячков. Тренировка затянулась до глубокой ночи.

Утром они пошли в школу вместе с мамой. По дороге им встретила Пиону вместе со своим дедушкой – старым-старым ежом, который держался за трость с набалдашником в форме летучей мыши.

– Подумать только, я и не знала, что у Шевы новая одноклассница. Да еще и соседка! – обрадовалась мама.

– Это верно. Мы любим быть поближе к воде, хотя у нас в роду так не принято. Поэтому и поселились в Норе за вашим Дубом, – сказал дедушка Пионы.

– Разве там не тесно?

– Совсем нет, зато немного темно. Однако я свое время поработал на Прежнем Лугу изобретателем, придумал пару интересных штуковин... В том числе и кое-какие особенные светильники. Мы их прихватили с собой. Приходите в гости. Девочки наши подружатся. Все вместе посмотрим светильники и чаю попьем!

Дедушка у Пионы был добрый. Он все время сутулился от старости, что у ежей выглядит так, словно они никогда не разворачиваются из клубка. Шеве, правда, не понравились его слова насчет того, что они с Пионией подружатся. Она подумала, что после них дружить с Пионией ей хочется еще меньше.

Под ивовой аркой, где на улице стояла небольшая сцена, уже собрались все их одноклассники вместе с родителями. Едва увидев их, Шева сжала мамину лапу крепче и попыталась зарыться в пух на ее животе точно так же, как Пиона зарывалась в свои иголки.

– Мам, мне страшно.

– Не придумывай. Ты знаешь, что все они тебя любят. Вон как они хлопали, когда ты кусалась!

Шева не верила в то, что ее любят. Она вспомнила, как Тиф и Жав пытались дразнить ее за то, что у нее еще не выросли все зубки. Если бы она не показала, что важно не количество зубов, а их острота – просто так бы ее в покое не оставили.

Тут она подумала: «Интересно, а умеет ли кусаться Пиона? Жалко ее, если нет».

Мама Тифа и Жава раскрыла пасть в устрашающей улыбке, заметив их компанию.

– А-а, Анфиса и Шева! Здравствуйте, соседки. А что это у нас за прелесть?

Она наклонилась над Пионией. Пиона понюхала воздух своим острым носиком и сразу же свернулась в клубочек.

– Ну-ну. Не бойся меня, малышка. Как нас зовут?

– Это Пиона и ее дедушка, – отрезала Шева.

– Меня зовут Кондрат. Я живу в Норе за Старым Дубом. А вас?

– Меня зовут Камилла, мы с мальчишками и моим мужем живем в Белой Пещере. Если присмотритесь, то над водопадом, впадающим в озеро, сразу ее найдете. Оттуда открывается прекраснейший вид... Всё и вся как на ладони.

– А с нашего дуба тоже все видно, – пискнула Шева.

Мама неодобрительно зыркнула на нее. Камилла продолжила:

– Приятно видеть вас всех. Это мои сыновья Тиф и Жав.

Волчица вытолкнула вперед двух светло-серых волчат.

– А мы уже знакомы, – пропищал Жав.

– Здравствуйте, мальчики, – улыбнулась мама. – Тиф, как твоя лапка?

– Уже лучше! Шева еще не так хорошо кусается, ха-ха-ха!

Все, кроме Шевы и Пионы, рассмеялись.

– Думаю, нам уже пора подходить к сцене, – проговорил дедушка Кондрат. – Пиона, возьми у дедушки свою форму... Где тут можно присесть?

Пионе дали красную хлопковую сумочку. Шеве стало очень любопытно, как выглядит форма Пионы. В ее реквизите формы не было – она хотела пойти в своем любимом синем костюме, но мама запретила, сказав, что неприлично ходить два дня подряд в одном и том же. «Глупое правило!» – пищала Шева, пока мама одевала ее в темно-зеленое бархатное платье с белым воротничком. Это платье ей, впрочем, тоже нравилось. Вчера мама поинтересовалась, с чем Шева хочет выступать. Но та, конечно, не стала рассказывать – ей хотелось сделать маме приятный сюрприз и показать, как искусно она умеет командовать светлячками. Мама не стала возражать, так что банку с Виго, маленький коврик и скатерть со звездочками Шева приготовила сама.

Они вчетвером заняли места рядом с Леди Камиллой и волчатами.

Первым выступал мышонок Йоль. Он был одет в крошеное, как и он сам, кимоно, расширенное бледными листьями. У самой сцены его папа подал ему бархатный сверток. Йоль поднялся на сцену и вытащил оттуда флейту. Вдохнув полное кимоно воздуха, он заиграл. Мелодия была такой же простой и изящной, как и его наряд. Со скамеек не раздавалось ни звука. Из-за ветра казалось, что даже Тополь тянется своими исполинскими ветвями вниз к Йолю, чтобы листочками ловить его нежную музыку. Зрители начали раскачиваться туда-сюда на своих местах, словно маятники. Как только прозвучала последняя нота, тишина взорвалась аплодисментами.

Йоль слегка поклонился, покинул сцену и вернулся на свое место во второй ряд.

После Йоля выступали Тея и Лукреция. Они были лучшими подружками и старались все делать вместе. Вместе они подготовили танец. И кролик, и белочка надели одинаковые сарафаны до пола, исписанные купавками и маками. Их шаги были настолько частыми и мелкими, что всем казалось, что они не танцуют, а плывут по сцене.

После Тристана, глотавшего огонь, лисенок Титу показал акробатический номер вместе со своей мамой. Ее все знали как одну из самых известных артисток Гуттаперчевого Театра и поэтому завидовали Титу. В номере были гимнастические кольца, кегли для жонглирования и две трапеции. Тиф и Жав надели широкие шляпы с перьями и разыграли какой-то сложный драматический диалог, после которого несколько взрослых хлопали им стоя. Белая кошечка Агафья, считавшаяся самой красивой девочкой в классе, промяукала песню на древнем языке. Все номера были запоминающимися и очень красивыми. Но все они должны были померкнуть перед номером Шевы. Она специально захотела выступить последней, чтобы публика встретила ее как следует разогретой.

– Что сегодня покажет наша Шева? – спросила у всех и ни у кого госпожа Красноцвет. – Милая, мы очень надеемся, что ты снова покажешь нам зубы!

Публика рассмеялась от шутки госпожи Красноцвет, и Шева попыталась сделать вид, что ей тоже смешно.

– На самом деле нет...

Ящерица недоумевающе вскинула несуществующие брови.

– Ну, как бы там ни было, всем все равно очень интересно, что ты приготовила!

Жестом она попросила поддержать Шеву аплодисментами, как обычно поддерживают неудачливых жонглеров, случайно упустивших из лап помидоры.

Шева попросила, чтобы на сцену вынесли стол. Она накрыла его звездчатой скатертью и прилежно расправила ту так, что не осталось ни складки. С важным видом она водрузила наверх банку со светлячком и сняла с нее чехол. Теперь предстояло настроиться.

Шева села у самого края сцены на коврик, закрыла глаза и постаралась ни о чем не думать. Несколько секунд мысли роились в голове, словно стая беспокойных рыб, и не давали сконцентрироваться. К ним примешивалась нарастающая паника – если сейчас она не сделает то, что делала вчера весь вечер, ее ждет позор. От насмешек Тифа и Жава в таком случае не помогут даже ее острые зубки.

Наконец, это случилось.

Шева ощутила макушкой приятную пустоту, похожую на теплый солнечный ветер. Она несколько раз качнулась вперед-назад и ощутила знакомое прикосновение. Позволила розовому свету струиться сквозь ее голову, она открыла глаза.

Виго в нетерпении метался под стеклом. Шева подняла крышку. Светлячок взлетел. Все шло по плану, можно было начинать песню.

Мелодия вылетала мягкими вечерними облачками из ее рта, словно дым из паровоза. Все вокруг пропитывалось розовым свечением, исходящим от светлячка. Он внимал каждому ее приказу, каждому мановению ее лап. Она прорисовала им воздухе несколько знакомых букв – зрелище было масштабным и в сравнение с глотанием огня точно не шло. Шева чувствовала себя абсолютно счастливой, пока ее не вернули в реальность странные звуки.

Звуки смеха.

Сначала – просто сдавленные смешки. Шева видела, как даже взрослые прикрывают рты лапами, чтобы не рассмеяться. Ее одноклассники перешептывались и похихикивали меж собой. Кто-то из взрослых даже дал им подзатыльник.

Шева смутилась, но петь не перестала.

Смех стал громче.

Шева не сдавалась и пела дальше. Все шло как надо, светлячок её слушался. Она никак не могла понять, почему все смеются, почему никто не видит Виго и красивых световых фигур в воздухе, пока кто-то не закричал:

– Да она же просто кряхтит!

Тут уже никто не стал сдерживаться. Воздух разразился хохотом.

– Кряхтит так, словно у нее с челюстью проблемы! Ну что за ребенок!

– Другое дело малышка Агафья. Нет, ну как можно выходить на сцену с *таким номером* после настолько прекрасной песни?

Если бы не Шевина шерстка и платье, то все бы увидели, что от смущения она покраснела с нижних лапок до кончиков ушей.

– Кряхтит-кряхтит! Как цикада!

– А это точно котенок?

– Еще и какой-то коврик притащила. Такое нельзя показывать остальным детям.

– Куда родители глядят? За детьми-то присмотр нужен!

Она чувствовала, как ее глаза наполняются слезами. Шева ничего не могла с этим поделать, хотя понимала, что будет еще хуже, если она расплачется на глазах у всех. Уйти со сцены

не получалось – лапки словно приросли к доскам. Взглядом она искала маму, но мама была в самом низу поля зрения, где у Шевы накопилось слишком много слез, чтобы что-то видеть.

– Уберите ее со сцены! Сейчас разрыдается!

– Еще остальным праздник портить...

Шева уже совсем ничего не видела. Слезам было больше некуда скапливаться, и они хлынули из глаз.

Кто-то теплый взял на руки и унес со сцены.

Странное древнее чувство и прародитель кошек

Иногда один день переворачивает мир с ног на голову.

В классе дразнить никто не стал, разве что первые пару дней. Родители одноклассников стали считать Шеву ненормальной и даже нездоровой и объяснили детям, что смеяться над больными плохо. От этого она чувствовала себя еще хуже. Шеве впервые захотелось, чтобы ее дразнили.

Мама даже водила ее к психологу. После долгих уговоров Шева согласилась показать, как управляет светлячками.

Диагноз был поставлен однозначный.

Доктор объяснил:

– Звуки, что ты издаешь, глядя на летающее насекомое – пережиток прошлого, привитый еще домашним кошкам. Давным-давно, когда люди еще существовали, многие кошки жили взаперти в их домах как живые игрушки. Их не выпускали на улицу, чтобы они не поранили себя и просто не убежали на свободу.

– Звучит ужасно, – поразилась мама.

– Это для нас. Предки в то время даже не понимали, что не свободны. Несчастливым ничего не оставалось, кроме как целыми днями сидеть на гигантских человеческих подоконниках и смотреть, как за стеклом летают свободные птицы, жуки, пчелы и даже мухи. Кошки видели их и еще острее ощущали неволю. В те времена еще никто из животных не отказался от охоты, и кошки даже считались одними из самых жестоких хищников. Смотря на маячущую по ту сторону окна добычу, кошка испытывала то, что называют *фрустрацией* – чувством несовпадения желаемого и действительного.

– Это просто когда ты чего-то желаешь всем сердцем, но в то же время понимаешь, что не имеешь никакой возможности это получить, – пояснила мама Шеве.

– Странное чувство иногда сопровождалось гневом и отчаянием, поэтому кошки и «кряхтели» на свою горькую судьбу. А может, кряхтели затем, чтобы заставить добычу саму подлететь к окну – мало ли. Как бы то ни было, та самая песня, что ты, Шева, поешь, глядя на светлячков – колыбельная тоски по неведомому или утраченному.

Потом доктор долго гладил Шеву по голове, объясняя маме, что детей нужно учить мечтать о том, что не причинит им боль.

Мама ругалась всю обратную дорогу, но к Шеве стала еще ласковее, чем раньше. Она даже не стала возражать, когда та сильнее прежнего попросилась не идти в школу и пропустила с ее разрешения несколько дней подряд.

Шева стала задумчивее обычного.

Она все так же не забывала подкармливать светлячков и даже отпускала их гулять по комнате, но больше не смела ими управлять. Ей начала казаться противной и стыдной песня, которой она раньше так гордилась и даже готовила как сюрприз маме.

Одним утром Анфиса, как и всегда ранней зимой, мастерила снежные шары на продажу. Шева сидела возле матери и листала затертую книгу с майским жуком на обложке.

Вдруг в дверь постучали.

Это были Пиона с дедушкой.

Дедушка улыбался во весь рот и держал на руках тарелку, накрытую полотенцем, из-под которого исходил пар. Пиона сосредоточенно держала цепкими пальчиками небольшую коробку.

– Добрый день, – сказал дедушка. – Решили тут навестить вас, а то Шевы в школе уже неделю не видать.

Мама накрывала стол, пока дедушка резал яблочный пирог. Шева и Пиона сидели рядом на старой софе.

– Это тебе, – тихо произнесла Пиона.

Она осторожно, словно иголки были не у нее, а у Шевы, передала ей в лапки коробку. Коробка была любимого цвета Шевы – темно-синего, перетянутая золотой лентой.

– Очень красивая.

– Это ты ее еще не видела, что внутри, – восторженно прошептала Пиона.

Шева аккуратно развернула коробку. Внутри оказалось маленькое стеклянное устройство, крышка была усеяна искусственными насекомыми из серебра. Шева узнала в них майских жуков.

– А что это такое?

– Это один из светильников, про которые говорил дедушка. Но он не будет гореть просто так.

– А что надо сделать?

Пиона наклонилась к большому уху Шевы и шепотом сказала:

– Надо представить то, чего еще нет в реальности. Твоя вера передастся фонарю и превратится в свет, который будет гореть в нем сколько угодно. Представляешь, какая экономия лампочек?

Шева недоверчиво посмотрела на Пиону. Похоже, это только вопрос времени, когда она перестанет считаться самой ненормальной в классе.

– Ну или просто поставь туда свечку. Там внизу. Под бумагой.

Шева пошарила лапкой по дну коробки и действительно нашла под нарезанной бумагой несколько свеч.

– Спасибо.

Пиона вытянула мордочку. Оказывается, у нее даже имелся лоб.

– Девочки, пойдете к столу.

Шева и Пиона принялись за пирог, пока Анфиса за тем же столом заливала гель в очередной шар. Рядом с сахарницей стоял клей, а возле пирога лежали заготовки миниатюрных фигурок для шаров. Мама активно красила, подпиливала и успевала попить имбирный чай. Намазанные клеем блестяшки забивались между пальцев и приставали к шерсти. Несмотря на беспорядок, все были довольны.

– Шева, леди Камилла рассказывала, что Тиф и Жав спрашивают о тебе, – произнес дедушка.

– Это неправда, – пробурчала Шева.

– Почему?

– Потому что они считают меня ненормальной.

– С ней никто не разговаривает в классе, деда, – высунулась из-за очередного кусочка Пиона.

– Это не от большого ума. Ты не должна стесняться того, что умеешь и любишь.

– Психолог сказал, что она переживает из-за несоответствия желаемого и действительного, – отвлеклась от шара мама.

– Вот как? Должны быть серьезные причины считать, что твое желаемое не может соответствовать действительному. Чего тебе хочется? – спросил дед Шеву.

– Хочу научиться летать.

– Но ведь ты кошка.

– Спасибо, что напомнили.

– Ты-то представляешь, как будет выглядеть твоя мечта, если она исполнится, – сказала Пиона.

Шева отложила пирог и подняла золотые глазки к потолку.

– Ну... Думаю, однажды у меня просто вырастут крылья.

– Какие?

– Этого я еще не решила.

– Тогда тебе нужно просто подождать этого дня. Звучит разумно?

– Папа говорит, что этого не случится. Что я должна буду кусаться и царапаться.

– Это у нее хорошо выходит, – с гордостью сказала мама.

– Пускай папа думает сам за себя. То, что ты сделала на дне талантов – очень редкая вещь. Она называется шаманизмом, Шева.

Мама широко раскрыла глаза и посмотрела на деда Кондрата так, словно он сказал что-то очень нехорошее.

– Шаманизмом? Это как-то связано со способностью летать?

– В некотором роде. Раньше люди думали, что шаманизм – их изобретение. Они называли его самой древней магией. Но ваши древние предки, дикие кошки, научились шаманизму гораздо раньше людей. Именно с его помощью они охотились, а позже и заставили людей себя полюбить.

– Они же держали кошек взаперти. И заставляли их чувствовать то, что сейчас чувствую я. Так доктор говорит.

– Думаю, ваши чувства все-таки разные.

Дедушка хитро улыбнулся.

– Как и мы, ежи, во времена людей кошки были хищниками. Они питались настоящим мясом, которое добывали на охоте. Это совсем не то, что мы едим сегодня. Когда кошка смотрит в окно и чувствует несоответствие желаемого и действительного при виде птицы – это досада, что она не может поохотиться, поиграть с более слабым в убийственную игру. Но если в наше время котенок кряхтит, глядя на летающее насекомое – то это лишь тоска по тому, что он не может летать вместе с ним.

– Извините, однако у Шевы и так проблемы с одноклассниками. Если сейчас вы устроите ей экскурс в историю и расскажите о злодеяниях наших предков – вряд ли станет лучше.

– Анфиса, вы ошибаетесь. Незнание полной картины неизбежно ведет к ошибкам. Откуда вы знаете, что предки ваших предков не умели летать? Откуда знаете, что сейчас это давно утерянное в слоях генов свойство не может открыться живой воле ребенка? Шева, я хочу рассказать тебе одну историю.

Еще когда люди не умели изменять погоду и возделывать землю, а только жили в пещерах и едва изучили огонь, мир принадлежал диким животным.

Лучше всего жилось в те времена кошкам. Они были гораздо крупнее, чем сейчас и чем во времена людей. Их когти и клыки вселяли ужас, а шкура была ярких расцветок и невероятных узоров, чтобы говорить всему живому, не роняя лишних слов: «Берегись».

Кошки были любимицей Гекаты, богини ночи и колдовства. Ее имя еще было не запятнано, а сила неограничена, и она щедро одаривала диких кошек крыльями. Тиграм, львам, пантерам и остальным кошкам тогда не нужно было охотиться. Было их ровно столько, чтобы их вид считался редким. Поэтому и, конечно, из-за их красоты и силы им воздвигали лесные храмы, словно настоящим богам. Люди жертвовали им только что одомашненных коров, овец и птицу.

Среди кошек у Гекаты был один особенный любимец – крупный даже среди сородичей, прекрасный белый тигр по имени Хонсу.

У Хонсу были крылья, похожие на два исполинских павлиньих хвоста. Он был горд и требовал особого уважения от людей за то, что даровал им способность рисовать на стенах и каллиграфию. Нельзя сказать, что настоящие боги не наделили людей фантазией, однако разница

между той, какой их наделили боги и какую даровал им Хонсу, была такой же, как между белыми крупинками в стеклянном шаре и снежной бурей в феврале.

Гордо облетал Хонсу свои владения, какими он считал всю землю, что только охватывали его жадные глаза. Любимец Гекаты был едва подвластен времени, а потому не старел и все время наблюдал за людьми. Видел Хонсу, как вышли они из каменных пещер и поселились в теплых, но темных землянках. Видел и как они строили светлые сараи из хвороста, которые совсем скоро сменили на глиняные и затем каменные дома. Тщеславие Хонсу росло совсем как человеческие города. Он смотрел на то, как меняется человечество, и думал: «Это я, Хонсу, все устроил. Я даровал им письменность, я даровал им картины на их стенах и картины в их умах!». Геката не могла нарадоваться на своего любимца и простила ему, что он так портился характером.

Вместе с тщеславием к Хонсу стала приходиться и скука. Несколько тысяч лет жил он на земле, будучи смертным: ничто не могло удивить его взор, ничто не могло тронуть его могучего сердца. Любой человеческий замысел был ему известен, он все наперед знал из писем, дневников и книг, которые велись на им же изобретенном языке чернил. Чтобы утешить его, Геката создала Баст – удивительную красавицу с человеческим телом и львиной головой. Хонсу влюбился в Баст сразу же, как увидел. У Баст не было крыльев, ровно как и кошачьего тела – и Хонсу обрадовался этому, как только понял, что может катать ее целыми днями на своей спине и показывать свои владения.

Баст жила в хрустальном замке на краю одного из человеческих поселений. Хонсу повелел людям приносить ей в дар лучшие угощения, благовония, вина и дорогие украшения, как если бы они дарили их ему самому. Люди боялись гнева Хонсу и стали почитать Баст словно богиню, чтобы избежать его гнева.

Но однажды их терпению пришел конец. И на то были причины.

Каждый раз видели жрецы, приносившие Баст дары от всех людей, что она из такой же плоти и крови, как и все они. Единственное различие между ней и собой увидели они в том, что Баст не гнет своей спины на пашнях, не стачивает пальцы на ткацких станках, не ломает ноги и руки, охотясь в лесу, а живет в свое удовольствие на всем готовом. Они обозлились и, ничего не говоря Хонсу, закололи Баст в ее собственном замке.

Увидев свою возлюбленную мертвой, Хонсу метался по залам замка в бешенстве и кричал от горя несколько дней подряд. Он сразу понял, что произошло, и решил отомстить людям. На пестрых крыльях понесся Хонсу в самое сердце города, на рыночную площадь. Там он начал рвать всех подряд, не жалея ни стариков, ни детей. Горе его было бесконечным, и кричал он так, что сердца людей разрывались прежде, чем он успевал их нагнать.

Хонсу искупал древний город в крови. Мало кто уцелел после его расправы. И тогда на землю спустилась Геката.

«Ты слишком погряз в тщеславии и заставил людей себя ненавидеть», – молвила она. – «За это станешь ты теперь размером с их новорожденного ребенка и лишишься своих крыльев, поэтому оставь надежду с их помощью искать в мире места без людей. Пускай они полюбят тебя таким – маленьким, слабым и неспособным любить их в ответ. И боги свидетели, что не получишь ты другой пищи, кроме как из их рук.»

Так и свершилось. Хонсу в тот же момент уменьшился в размерах, а крылья отсохли от его спины.

С тех пор кошка нигде не могла найти пищи, кроме как в доме человека, и даже охотиться на мышей могла только там, где люди выращивали пшеницу и набивали ей закрома на складах.

Несмотря на то, что из-за Хонсу все кошки лишились крыльев, кротость и доброта несчастной Баст не забылась. После смерти она превратилась в настоящую богиню и помогала женщинам и кошкам, которые по вине ее возлюбленного стали совсем беззащитными перед своими вчерашними почитателями.

Девочки смотрели на деда с раскрытыми ртами.

– Что стало с Хонсу? – спросила первой Шева.

– Считается, что он стал прародителем всех домашних кошек.

– Это только миф. У нас таких много, что своих, что оставшихся от людей.

Анфиса строго посмотрела на дочь, но ей сейчас было невозможно испортить настроение.

– Получается, что если бы не Хонсу, то у нас бы и дальше были крылья! Мама, ты слышала?! Что ты теперь скажешь, мама? А интересно, они рождались сразу с крыльями или получали их потом?

Дедушка улыбнулся.

– Дикие кошки родились без крыльев, но получили их за свои качества от Гекаты.

– Какова вероятность, что она и сейчас существует? Эта Геката?

– Шева, из всех богов Геката одна из немногих, которые считаются общими у нас и людей, – блеснула знаниями Пиона.

– Это значит, что...

Глаза у Шевы заблестели больше прежнего.

– Боги существуют, но только когда в них кто-то верит.

– Тогда я буду верить в Гекату, чтобы она и мне подарила крылья.

– Милая, ты считаешь, что она захочет? Вспомни, за что их получил Хонсу, – вмешалась мама.

– Вот я уж точно не буду влюбляться и обижать невиновных. Это ведь всего пара злых людей убила Баст. Остальные могли об этом даже не знать.

Мама хотела сказать что-то еще, но тут открылась входная дверь. Это папа пришел с работы.

– Папа! – пискнула Шева и бросилась к нему на шею.

Пиона жестом попросила деда наклониться к ней и прошептала ему на ухо:

– Деда, а ведь Шева дома совсем не такая, как в школе.

После того дня стало традицией, что дедушка Кондрат и Пиона заходили в гости. Родители Пионы жили далеко и приезжали редко, но Пиону это, казалось, не слишком печалило. Они с Шевой начали играть на реке. Вместе они любили сидеть на берегу и пускать кораблики, иногда и играть в куклы. Пиона была умненьким ежиком и часто рассказывала Шеве, что знала от деда про свойства растений и особенности зверей. Шева любила ее слушать и всегда удивлялась, как много известно ее компаньонке по играм, хоть и сама она знала очень многое.

Шеву потряс рассказ о Хонсу и Баст.

Ей, конечно, еще больше хотелось получить крылья, чем раньше. Она больше не представляла их как бабочкины, стрекозьи или мушинные, потому что знала теперь наверняка, что есть и кошачьи.

Она даже начала снова ходить в школу. Одноклассники были так же равнодушны к ней, но ее это больше не задевало: Шева жила мечтами и тревоги реального мира больше не имели над ней власти. Дружба с Пионией этому только способствовала.

Однажды, когда они как обычно сидели у реки и собирались запускать один особо роскошный кораблик, украшенный фиалками и облепленный стащенным у мамы бисером, Шева сказала:

– Я совсем ничего не помню со дня талантов. Ты ведь тоже должна была выступать. Что ты делала?

А Пиона, немного помолчав, ответила:

– Я собиралась плавать.

Шеве внезапно вспомнились слова дедушки о том, что вообще-то ежи не любят воду.

– Интересно. Но на сцене же негде, а река далеко.

Пиона клеивала в кораблик маленькие картонные фигурки себя и Шевы. Со своими прототипами те имели мало общего, но и ежу было ясно, что в кораблике плывут маленькие еж и кошка.

– На месте школы давно был Гуттаперчевый Театр. Представляешь? Потом его почему-то перенесли далеко отсюда.

– И что?

– От него остался высокий аквариум. В нем раньше фокусники показывали трюки с освобождением из оков. Вот в нем я должна была нырять. Ну... еще показать пару фигур, которые знаю. Иногда у меня чувство, что я не еж, а бобер...

– А ты хотела плавать? Для вас это нетипично.

– Нет, я не хотела. Так было надо. Раньше мы жили на большом клеверном лугу.

Пиона подняла глаза к туманному горизонту озера и мечтательно уставилась вдаль.

– Знала бы ты, как там красиво. Особенно весной. Цветки клевера расцветают, и весь луг становится розовым...

Шева тоже посмотрела на горизонт, но ничего интересного там не заметила. Пиона вздохнула:

– Да, клевера на нем растет столько, что из-за него почти не видно травы... Он любит воду, как никакое другое растение. Там часто шли дожди, а иногда луг полностью затапливало... Плавать там умеют все, даже улитки. Помню, мама с отцом ругались, когда дед заставлял меня учиться нырять – мол, пронесет, а когда Пиона подрастет, сразу переедем на сухое место. Не хотели меня «травмировать». Я тогда думала, что дед хочет мне зла и любит меня меньше всех, поэтому и мучит плаванием. Да, до потопа я так и думала.

– Ты выжила в потопе?

– Да, но такое для всех на том лугу это обычное дело.

– А что случилось с родителями?

– Ничего. Просто они остались там, а мы переехали сюда. Они ведь тоже хотят со временем перебраться в Лес.

Не зная, что добавить, Шева сказала:

– Я тоже люблю плавать. Потому что это похоже на летать.

– Знаю. Я заметила это в аквариуме.

– А я в ванной.

В бумажном кораблике ветер трепал их фигурки, наперекор ему крепко державшиеся за лапки. Они спустили кораблик на воду, уселись на траву и молча смотрели ему вслед, пока он не скрылся из виду.

Шеве в голову пришла интересная мысль, которую она сразу же поспешила озвучить:

– А у ежей есть боги?

Пиона молчала и задумчиво барахтала кончиками лапок в воде.

– Есть, – наконец сказала она.

– Что они дают, если в них верить?

Пиона опять молчала. Наконец, честность взяла над ней верх, и она сказала подруге:

– Вообще-то дедушка говорил, что мы способнее в шаманизме, чем вы.

– Чем кто?

– Ну... кошки.

Шеву захлестнула волна возмущения:

– Это почему еще?

– Ты только не обижайся. Это же не я так считаю и даже не дедушка. Так просто... написано где-то.

– Раз ты это говоришь, значит, ты так считаешь. Еще и извиняешься.

– Это все потому что кошки провели слишком много времени рядом с человеком, в отличие от нас. Ходят слухи, что некоторое время они тоже держали нас как рабов. Вывели даже специальные породы, которые не пахли как ежи и выглядели так, чтоб их можно было рисовать красивыми и при этом не привирать. Это с их точки зрения. Представляешь – еж не пахнет ежом. Что еще? Сиреневый куст пахнет сыром? Камень пахнет шарлоткой?

– Да уж...

– Но по сравнению с вами мы вообще не жили в их власти. Кошки, – только не обижайся, пожалуйста, – совсем потеряли характер ради корма и крыши над головой.

– Ничего мы не потеряли.

– Вы забыли, ради чего были созданы Гекатой.

– Тебе нравятся легенды про Хонсу и других кошачьих богов. Но хватило бы богу для счастья миски с кормом?

Шева нахмурилась и уставилась на реку.

– Ну не обижайся... Шева, ты знаешь, что ты моя единственная подружка.

– Знаю.

– Ну так и не обижайся на меня.

Шева молчала.

– Что, так и будешь дуться?

– ...

Шева не отрывала глаз от светло-зеленых волн. С одной стороны, было обидно. С другой – понятно, что Пиона это сказала не чтобы ее обидеть. Но взять и как ни в чем не бывало дальше продолжить разговор означало бы признать свою неправоту. Вот она – «Шева с плохим характером», вот она – снова побеждена в словесном поединке, снова наделала шуму из ничего.

– ...

– Ладно. Ты можешь сидеть тут дальше, если хочешь. Я пойду домой. Увидимся завтра в школе.

Не дожидаясь ответа, оставила ее и ушла.

Ну вот, можно сказать, и победа.

На следующий день Шева снова никуда не пошла, чтобы Пионино «увидимся в школе» не сбылось. Она ждала, что та придет к ней после уроков и даже была готова помириться с ней. Разумеется, после того, как мир будет предложен еще раз и конечно же не с Шевиной стороны.

Она провела день скучая. Не с кем было играть в куклы, делать кораблик одной пришлось бы очень долго, да и в нем не оставалось никакого смысла, если пускать его в одиночестве. Снаружи не было ни одной живой души. Шева прогулялась до того места на берегу, которое было совсем рядом с домом Пионы, чтобы попытаться счастья – вдруг Пиона выйдет на улицу и увидит ее. А может, выйдет ее бабушка и позовет Шеву к ним в гости. Но ее никто не увидел. Она покидала мелкие прозрачные камешки, что устлала собой весь берег и речное дно, посмотрела, как они оставляют круги на воде, и пошла домой. Ее охватило еле заметное тревожное предчувствие из-за того, что за все время у реки она не услышала ни одного звука, который доносился бы из норы.

Домой она пришла охваченная еще большей тревогой. Родители не слышали от нее ни слова за весь вечер. Когда мама принялась ее купать, Шева молчала, прижав уши. Она как будто боялась случайно выдать какую-то страшную тайну, которая разрушила бы их Дуб, а саму ее швырнула бы в реку прямо в любимой синей ванне. Она не стала просить почитать ей сказку и поспешила как можно скорее остаться в комнате одной. Ей даже было страшно оставаться без света, хотя она очень гордилась тем, что уже несколько месяцев могла спокойно спать без него. Включив торшер, Шева нырнула под одеяло и накрылась с головой.

Она начала думать о том, почему ее подруги нигде нет и почему родители как будто не замечают ее беспокойства. Папа всегда катал ее на плечах, если она начинала грустить, или начинал щекотать. А мама никогда не забывала зайти к ней перед сном и пожелать спокойной ночи.

За этими мыслями все не удавалось уснуть, и Шева вылезла наружу из-под теплой темноты.

Вокруг нее был луг.

Луг был бескрайним и весь-весь в мелких бледных-розовых цветочках и росе. Сверху на нее давило огромное синее небо с пышными дождевыми облаками. Несмотря на облака, луг был прямо залит солнцем. Вокруг не было ничего, только цветки клевера слегка дрожали от слабого ветра.

Шева открыла, что под одеялом не было ничего, кроме нее самой, лежащей на траве. Она осмотрелась, но так ничего и не увидела, кроме травы и неба. Шева почувствовала, что ей нужно идти туда, за горизонт, и последовала этому неясному предчувствию. Горизонт кончился очень быстро. За горизонтом не было ничего.

Она увидела перед своими лапками последние сантиметры земли, после которых открывалась сиреневая бездна с медленно вращающимся ураганом далеко внизу. Сразу за обрывом поднималась золотая световая стена, настолько яркая и сверкающая, что Шева инстинктивно прищурилась. Ничего не было, кроме сиреневого, заполонившего все свободное пространство, и золотого света. Шеве показалось, что бездна ждет от нее вопроса, и потому она, вытянув шею и посмотрев в самую ее суть, закричала:

– Пиона, ты на меня злишься?

Бездна не услышала в потоке речи непонятного языка своего имени и тактично промолчала.

– Пиона?!

Шева опустила на землю, села и свесила с обрыва лапки. Свет, казалось, был настоящим и приятно грел их. Она чувствовала одиночество. Вспомнилось, что мама и папа ей не родные. Интересно, они хотят завести еще одного, своего ребенка? Ей этого очень не хотелось. Это позволило бы ей окончательно убедиться, что дети все-таки бывают чужими, и сама она, Шева, всегда была чужой для своих двух самых дорогих существ. Она только что посмотрела в бездну, а бездна посмотрела в нее, но это не значит, что они расстанутся, как только Шева покинет луг. Бездна всегда будет с ней. Она будет в ее сердце и голове. Не позволит верить тем, кто попытается стать ее друзьями или сделать для нее что-то доброе. Не позволит делать доброе самой. Вот как с Пионией. Сначала она показала, что не такая как все другие. Утешала, играла с Шевой. У них двоих даже появилась своя традиция с корабликами. А что в итоге?

Шева поняла, что на самом деле всегда была одна. Даже в своих камышах тогда, на первой неделе своей жизни, она лежала одна, а не вдвоем или втроем, как все нормальные котята.

Она до чего-то внезапно додумалась и поднялась на ноги.

– Раз ты такая же, как они, то лучше я буду одной.

Как только этот жестокий вердикт был услышан пустотой, Шeviной спины и плеч коснулось тепло. Оно нарастало так быстро, что нельзя было не уделить ему внимания и повернуться к нему лицом. Шева обернулась и обомлела.

Если золотое свечение, исходившее из бездны, было ярким и сверкающим, то по сравнению с тем, что ударило ей в глаза и сразу же заставило ромбики зрачков превратиться в две тонкие ниточки, его можно было бы назвать короткой вспышкой огня из дешевой зажигалки. Свет настолько ослепил, что показалось, словно ее с силой ударили в грудь, отчего исчезло дыхание. Это было похоже на ощущение, которое испытывает тот, кто всю жизнь жил в темной пещере и однажды вышел наружу как раз в тот момент, когда солнце стояло в зените. Свет разоблачал все тайное, отнимал все секреты и заставлял чувствовать бесконечные стыд и вину.

Луг купался в золоте, роса на его травинках засияла мелкими острыми алмазами и резала ее глаза еще больше, чем сам свет. От этого вида нельзя было не почувствовать себя неуклюжим и злым, нельзя было не ощутить ослабшими легкими совесть, острым сталактитом протыкающую тебя сверху вниз. Шева сразу пожалела о злых словах, которые когда-либо с обиды говорила родителям. Эти слова были пустяковыми, даже смешными и уж точно не принадлежали ей по-настоящему – родители всегда чувствовали, что даже в полные уныния моменты своей жизни их девочка никогда не переставала любить их и никогда не хотела задеть их по-настоящему. Совсем необязательно, что известные двум взрослым тайны детских мотивов были известны самим детям, поэтому нельзя было сказать, не задела ли такими же словами Шева свою единственную подругу. Перед ней Шеве тоже было стыдно, и тлеющие до этого нерешительными угольками в ее душе укоры совести воспылали, словно туда кто-то щедро наложил хвороста и облил все бензином.

Когда она, наконец, смогла открыть глаза и те привыкли к яркости света, Шева увидела, что весь он исходит от большой сферы, висящей не слишком высоко над лугом. Сфера бурлила золотом и блестками, как варево в ведьминском котле, и периодически озарялась разноцветными вспышками. Шева поймала себя на мысли, что ей хорошо и приятно смотреть на сферу, хоть и излучаемый ей свет пугал ее. Внезапно та заговорила:

– Шева, мое дитя. Подойди ко мне. Не бойся!

Голос, которым она говорила, был красивый и в то же время властный, даже надменный. Шева не была трусихой и потому послушалась.

– На этом лугу никогда не оказывается тот, кто спокоен и живет в мире с собой. Посмотри вокруг – не тревожат тебя эти цветы? Не пугает тебя мой свет? Не давит ли это прекрасное синее небо, которое вот-вот разразится благостным дождем?

Каждое слово сферы звучало так, словно было самим громом и только притворялось для Шевы понятными звуками. От этого ей казалось, что вот-вот действительно пойдет дождь.

– Да, мне тут не очень удобно!

Она прокричала эти слова так громко, как только могла, потому что сфера находилась все-таки не рядом и была настолько большой, что писк какой-то Шевы могла и не услышать.

– Тебе нет нужды кричать, дитя. Я услышу тебя, даже если ты будешь шептать под свой маленький нос.

– Кто ты?

После идеально выдержанной паузы ей ответили:

– Я та, кого ты хотела просить о помощи. Королева человеческих женщин и кошек всех полов. Целительница изувеченных и заступница оскорбленных. Я – торжество и воздержанность, я – богатство и затворничество, я – красота и сожаление о ее утрате. Я мастерю сны, которые становятся явью. Я была рядом с твоей матерью, чтобы ты появилась на свет живой, я была с тобой, когда камыши не изрезали твою кожу и не выкололи твои невидящие глаза. Вы, мои дети, зовете меня Баст. Что ж, это славное имя. Поэтому я его приняла тысячи и тысячи лет назад. Вам гораздо удобнее обращаться к тому богу, который носит имя... желательно такое, которое вы придумали сами и сможете выговорить.

– Баст?! Я знала, что ты есть! А ты не дашь мне крылья?

Сфера пошла небольшими волнами от мягкого снисходительного смеха.

– Маленькая Шева. Неужели ты не видишь разницы между богиней и джинном?

Шева прижала уши от стыда. Она вспомнила, что выпрашивать подарки – нехорошо.

– Мне нечего тебе дать. У меня нет ни драгоценностей, ни благовоний, ни деликатесов. Хотя... Вообще у нас всегда много вкусной еды, я люблю клубничный йогурт. Если ты такое ешь, то я могу приносить тебе его в жертву.

На этот раз сфера засмеялась громко и раскатисто, как от хорошей шутки.

– Маленькое неиспорченное дитя. Мир – не твой мешок сладостей. Зачем мне тебе что-то давать? Даже если ты... – сфера откашлялась, чтобы подавить смех, и продолжила – будешь отдавать мне весь свой йогурт?

– Но... как тогда... зачем тогда...

Шева замялась, боясь высказать очевидный вопрос относительно богов, который и раньше не давал ей покоя.

– Да?

– Я имею в виду, какой тогда смысл...

– Говори наконец! Я не имею дел с трусами и подлизами.

Шева набралась смелости, подумала еще немного и наконец спросила:

– Если ты не даешь то, о чем тебя просят – зачем тебе поклоняются все эти... тысячи и тысячи лет.

На бурлящей поверхности сферы появился белый блик, который прошелся по ее лицу большим солнечным зайчиком.

– Вот оно, дитя. Лишь когда ты признаешь, что пришла ко мне из корысти и просишь меня, потому что я тебя сильнее и потому что ни на чью другую милость ты уповать не можешь – лишь тогда Баст выслушает тебя. Ну и поможет... может быть.

Шева не ожидала такой реакции, ответ Баст ее ободрил и придал смелости, так что она задала еще один вопрос:

– Если ты Баст, то почему ты так выглядишь? Где твоя львиная голова и человеческое тело?

Пытаясь польстить богине, она добавила:

– Есть легенда, в которой говорится, что ты была самой прекрасной на человеческой земле.

Баст ответила:

– У меня много лиц, девочка. Но сегодня мне захотелось увидеть твой ум, поэтому на этот раз ты не увидишь моего лица.

– А их будет много?

– Зависит от того, какой путь ты выберешь.

– Я бы очень хотела выбрать тот, который приведет меня к крыльям. Честно говоря, я считала, что ты вроде как...

Сфера молчала.

– Вроде как... знаешь, не самая главная.

– Вот как?

Не уловив в голосе богини ни намека на обиду или возмущения, запуганная сказками про гнев богов Шева продолжила:

– Да. Мне рассказывали, что тебя создали невестой Хонсу. Белому тигру с павлиньими крыльями.

Тут Баст расхохоталась еще сильнее, чем над прошлыми словами Шевы. Это был залихватистый смех девушки, которая смеется над своим недостойным поклонником.

– Что у Хонсу был павлиний хвост, я поверила бы скорее. Ах, несчастный мой Хонсу. Не думаешь же ты, дитя, что я стала бы женой лысого египетского кота? Ха-ха-ха!

– Так ты была его невестой?

– Может и была. Но то было давно и пока он не сравнялся с теми, кого презирал. Знаешь, почему боги помогают тем, кто в них верит, Шева? Почему у их детей складывается впечатление, что воля богов – мешок с подарками?

– Не знаю, – пробурчала та себе под нос, обиженная, что над ней кто-то смеется, пусть даже и богиня.

Однако Баст все равно ее услышала и ответила:

– Конечно же ты не знаешь. Ведь ты еще не выросла. Знай же, что мы, боги, остаемся собой до тех пор, пока находим великодушные одаривать и направлять. Это редкое качество что у зверей, что у людей. Как только мы позволяем нашей душе измельчать и забыть о прощении – мы становимся кем-то из вас.

– Это значит...

– Это значит, что я помогу тебе только после того, как направлю. Направлю на путь, который может оказаться извилистым и каменистым, дитя.

– Я все что угодно пройду, чтобы получить крылья.

– Это мы увидим. Однако корысть – не все, что есть в твоей душе.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты амбициозна, как лев, и умна, словно тигрица-людоедка. Однако ты не одиночка. Одиночество тяготит тебя, тебе больно и страшно. Свет открывает все секреты, и когда он озаряет мир, богам становится видно, что крылья красят тебя. Однако крылья – не просто красивое украшение. На крыльях летят. Но куда? Неужели на реку, до которой можно дойти пешком? Или на волчью пещеру, откуда открывается прекрасный вид на окрестности? Куда бы ты ни пошла одна – везде тебя могут отнести ноги. Зачем тогда крылья?

Шева вспомнила о стыде, который исчез из-за нахлынувшего потоком восхищения великолепием богини.

– Есть еще кое-что.

– Да?

– Я поссорилась со своей подругой. Со своей... единственной подругой.

Сфера молчала так, словно чувствовала, что Шева не хочет говорить всей правды.

– Я разозлилась на ее и хотела показать, что она меня обидела.

Сфера молчала дальше.

– Меня раздражало то, что она постоянно умничает. И еще... Она сказала, что кошки не так способны к шаманизму, как ежи.

Сфера вспыхнула рубиновой пеленой.

– Какие еще ежи?! Как *ежи* могут *хоть в чем-то* быть способнее кошек?!

Шева приосанилась:

– Я так же подумала и сказала ей об этом. Кстати, все вокруг говорят, а я так особо и не поняла – что такое шаманизм? Я знаю в общих чертах, но саму суть...

Сфера побагровела и покрылась частыми фиолетовыми вспышками.

– Эта твоя подруга слышала звон, да не знает где он. Тебе предстоит многое узнать, и делать ты будешь это сама.

На этой фразе сфера остановилась. Шева почувствовала, что продолжения мысли не последует и они вот-вот расстанутся, и испуганно закричала:

– Но ты обещала показать мне путь!

– О нет, дитя. Я обещала тебя направить. И я сделаю это.

Недалеко от твоего дома стоит мой единственный сохранившийся храм. Тебе нужно пойти туда, чтобы постичь правду и найти свой путь. До того момента я прощаюсь с тобой, маленький котенок.

Шева испугалась еще больше, потому что считала, что разговор выйдет более долгим:

– Подожди, я еще не сказала главного! Я не только обидела Пиону, я вообще не принимала ее всерьез и пока она не исчезла, дружила с ней, потому что больше не с кем было! Но теперь ее нет и я не знаю что думать, я очень скучаю по ней, она правда моя лучшая подруга, я не знаю, где она! Наверное, случилось что-то плохое! Баст, пожалуйста, помоги мне!

Сферический клубок света стал разматываться на золотые, темно-оранжевые и белые нити и расползаться по всему небу.

– Нет, подожди! Не улетай!

Ответа не последовало.

Когда от клубка ничего не осталось и последняя его нить, длинная и извилистая, как сказочный дракон, улетела в облака, небо взорвалось и озарилось нежным цветом крем-брюле и молочного чая.

Шева стояла со слезами на глазах. Сожаление жгло ее щеки, голова была словно охвачена огнем, хотя никакого света, который отнимал ее секреты и оживлял постыдные воспоминания, уже не было.

Знакомство с заброшенным храмом и его обитатели

Несмотря на странный сон, детали которого все больше забывались, Шева почувствовала себя после пробуждения отдохнувшей и твердо знающей, что ей теперь нужно делать.

На этот раз она не стала барахтаться в ванной и вообразить полет, как обычно делала по утрам выходных, когда ей никуда не нужно было спешить, а, наспех умыв мордочку и нацепив любимую одежду, побежала вниз на кухню.

Мама была там. Она уже закончила с шарами и теперь упаковывала их в красивые коробки, медный цвет которых неприятно отозвался в Шевиной памяти расплывчатым воспоминанием.

– Привет, мам! – выпалила она по пути к холодильнику.

– Привет, милая. Мама готовит шары к продаже. Не хочешь помочь?

– Мамочка, я очень, очень бы хотела, но сейчас мне некогда!

– Чем это ты занята? – с любопытством, но отстраненно спросила мама, прилаживая к очередной коробке бант.

– Я собираюсь прогуляться.

– День еще будет долгий. Поможешь мне и пойдешь гулять.

– Нет, я не могу ждать. Меня ждут... в лесу.

Мама подняла на нее глаза и недоверчиво спросила:

– Кто это тебя ждет? И ты что, собралась идти в лес? И зачем ты выгрэбла весь йогурт?

Один стаканчик выпал из Шевиных лап и плюхнулся на лохматый ковер.

– Мам, это важно... И это долго объяснять... Понимаешь, мне снился сон, и там я...

Шева рассказала о пропасти, о свете и о Баст, как только могла. Она старалась быть максимально убедительной и не улыбаться, чтобы мама поняла всю серьезность ее намерений. Она не была уверена в успехе и потому очень удивилась, когда мама, внимательно ее выслушав, сказала:

– Я не верю в эти сказки про богов. Но нам не мешало бы прогуляться. Я устала сидеть за работой третьи сутки подряд. А тебе полезно будет побегать и подышать свежим воздухом... И куда ты только собиралась идти одна? Давай так: сейчас мы вместе упакуем шары, ты покушаешь, я напишу записку папе, что мы ушли, и выходим.

Шева и мама с папой действительно жили в Лесу. Но Лес и лес были разными вещами. Лес, где находилась чистая река, впадающая в горное озеро, торговые лавки, стрельбища для увлекающихся луками и много других вещей был всего лишь городом – хоть и довольно большим – посреди того, другого *леса*. Хоть люди и давно оставили этот мир, он продолжал быть полным опасностей и передвигаться в нем даже по торговым трактам в одиночку и даже вдвоем было опасно. На это существовало очень много причин. Во-первых, исполинской высоты деревья позволяли прятаться самым разным чудовищам, которые успели вылезти из умов последних людей в реальный мир, чтобы не вымереть вместе с ними. Во-вторых, ходили легенды о диких животных, которые все еще не отказались от охоты и убивали друг друга ради пропитания. И в-третьих – можно было очень легко заблудиться, если не имеешь карт, а они были редкостью, потому что всем зверям, за исключением птиц, некуда и незачем было путешествовать. Это очень любили делать люди, что и позволило, говорят, опутать им весь мир паутиной, по которой можно было передавать друг другу любые сведения в мгновение ока. Им почему-то казалось, что жить вблизи развалин на одном континенте интереснее, чем жить возле развалин на другом.

Лес, где Шева родилась и росла, был давно одомашнен зверями. Он любил их, жрецы и маги умели общаться с его корнями, ручьями, камнями и даже с рекой. Но остальной лес был

окутан тьмой неизвестности не меньше, чем тьмой, ночующей с раннего вечера до позднего утра в ветках его деревьев.

Шеве очень повезло, что храм Баст оказался всего в получасе ходьбы от их дома. Как выяснилось, он совсем не был тайным, каким показался ей во сне по словам богини. Его просто никто никогда не посещал, и ходили слухи, что каменные плиты внутри него давно уже раздробила дикая трава. Больше всего Шева боялась, что они с мамой никого не застанут в храме.

Наконец за лысой опушкой показалось высокое здание. Его продолговатую треугольную крышу поддерживали колонны, а позади него стояла величественная белая ротонда, окруженная слишком близко подступившими елями. Перед зданием был сад, скорее напоминавший монастырский огород: Шева сразу различила на нем листья салата, редис и много-много помидоров. Когда они подошли к храму вплотную, у нее даже закружилась голова от его высоты – вблизи он оказался ощутимо больше.

В храм вела потертая деревянная дверь. Она была гораздо выше ее и мамы и выглядела очень тяжелой, так что потрудиться приходилось уже даже для того, чтобы просто попасть внутрь. Вдвоем им удалось открыть одну ее створку и зайти.

В нос сразу ударил резкий запах лаванды и дыма. Храм все-таки был обитаем, раз тут жгли благовония.

– Вот видишь, здесь кто-то есть.

– Тише, Шева, – шикнула мама, – тут кто-нибудь есть?

Она повторила вопрос, после того как ей никто не ответил. В зале, где они стояли, не было ничего, кроме колонн, подпирающих высокий потолок, и еще статуи с обычным звериным рост посередине. Статуя опиралась узкими голыми лапами на исписанный мелкими рисунками постамент. Пока мама пыталась дозваться тех, кто предположительно обитал в храме, Шева разглядывала статую. Она изображала приятное глазам, но странное существо: у него была голова львицы с красующейся на макушке конструкцией, исполосованной синим и золотым, и удивительное тело – голое, без шерсти, с круглыми бедрами и выпуклой грудью, которые скромно прикрывало платье, больше похожее на хитон или тогу.

В глазах статуи на месте зрачков зияло два глубоких черных пятна. Очевидно, раньше на их месте были вмонтированы драгоценные камни. Богам вообще пришлось несладко после смерти людей.

Шева вынырнула из своих размышлений, вызванных необычной скульптурой, потому что ее уши внезапно уловили тишину. Мама перестала звать. Откуда-то доносились звуки приближающихся шагов.

Наконец, из-за одной из колонн раздался недовольный голос:

– А, посетители. Что вам нужно?

Колонны были очень широкими, за ними было легко спрятаться. Но Шева все равно не была уверена, доносится ли голос из-за одной из них или все-таки принадлежит какой-нибудь нечистой силе, по слухам селящейся в забытых святых местах.

– Мы принесли немного даров Богине и хотим пообщаться с ее жрицами.

Шева поразилась переменной тона мамы, которая дома все время говорила, что все рассказы о богах – для детей.

– А, – проскрипел голос, – ну тогда добро пожаловать.

С этими словами из-за колонны слева от мамы показалась обладательница голоса. Шева навсегда запомнила ее из-за внушительной внешности, так поразившей ее в тот момент. Это была высокая – выше мамы – кошка с темной, почти черной шерстью, кое-где посветлевшей до светло-бурого из-за преклонных лет. У нее были большие глаза, широкий нос и мощная челюсть, которую нельзя было сравнить ни с Шeviной, ни с маминой, ни даже с папиной. Это было вполне логично, потому что жрица представляла собой особый вид кошек, а именно – пантеру.

Мама этому совсем не удивилась в отличие от Шевы, которая, сообразив, кто перед ними стоит, сразу же спряталась за маму.

– Какая крошка, – прошипела пантера.

Мама уверенно достала из холщовой сумки вкусную еду в контейнерах, которую они взяли с собой специально для жриц.

– Здесь фаршированные яйца, тофу, бутерброды, вареное мясо... Мы понимаем, что вам сложно надолго покидать храм и не нравится питаться одними ягодами и овощами, каких здесь в избытке.

– Спасибо, да только кроме как «одними ягодами и овощами» нам больше нечем питаться и не разрешается.

Мама неловко улыбнулась.

– Что ж, сойдет для подношения Баст... Пойдемте в мою комнату. Скинете вещи – станет легче ходить. Меня зовут Нагельхар. Я тут одна.

Жрица гордо, но быстро зашагала по направлению к выходу из храма.

Мама двинулась за ней, волоча за собой напуганную Шеву.

– А... где все остальные? – крикнула она, запихивая по пути обратно в сумку яйца.

– Я их съела, – невозмутимо ответила Нагельхар.

Она провела их через грядки в небольшой садовый домик, который стоял так, чтобы из него было хорошо видно храм. Внутри он оказался неожиданно презентабельнее, чем снаружи; там был тяжелый письменный стол из дорогого дерева, книжный шкаф с фолиантами, на корешках которых поблескивали незнакомые Шеве символы, пышная кровать с темным балдахинном и много-много другой небольшой, но создающей уют мебели. На подоконнике у кровати росла веселая нежно-зеленая рассада.

– Это что, кошачья мята? – обеспокоенно спросила Анфиса.

– Имеете что-то против? – лениво спросила Нагельхар.

– Почему сразу против, это ваше личное дело, – начала отнекиваться мама, и Шева поняла, что она делает это не потому, что боится, а для того, чтобы Нагельхар не рассердилась и выслушала их просьбу.

Нагельхар убрала продукты в ледник, что стоял в погребе под единственной комнатой домика, зажгла несколько толстых свечей, села за стол напротив Шевы и Анфисы, которым был предложен чай, и сказала:

– Благодарю за подарки. Я очень давно не ела ничего подобного. Долг жрицы запрещает мне... питаться так, как хотелось бы. Но тофу и вправду хороши.

– Разве Баст действительно интересно, что вы кушаете? – вмешалась Шева.

Мама легонько пнула ее под столом.

Но Нагельхар не смутилась.

– Нет, но мне интересно показать ей свое уважение и трепет. Для этого я готова ограничить себя в некоторых сферах жизни. И потом... многие физические радости переоценены.

В этот момент мама заносила в рот сочный вишневый кекс, который поставила на стол хозяйка. Поймав на себе ее холодный, безразличный взгляд, она смутилась и пронесла кекс мимо рта.

– Я не очень-то хочу поклоняться Баст, мне не нужно ей ничего доказывать, – оправдалась она и откусила пол кекса.

– Разве я что-то сказала? Как бы там ни было – речь ведь о котенке. Я права?

– Да, о ней. Это моя дочь. Шевочка, расскажи тете, что тебя тревожит.

Шеве стало неловко перед важной Нагельхар за то, что мама называет ее «Шевочкой» и ест сладости, в то время как Нагельхар соблюдает строгий пост.

– Сегодня во сне ко мне явилась Баст. Она сказала, что я должна найти свой путь, и сказала мне прийти в этот храм.

– Хм. Вот как.

– ...да, но она не сказала, чем вы тут занимаетесь и что мне тут нужно будет делать.

– Что еще можно делать в храме, как ни молиться... – пробурчала мама, расправляясь с новым кусочком.

– Баст сказала, что поможет мне, только когда я признаюсь, что мне от нее что-то нужно. Что я чего-то хочу и надо, чтобы кто-то исполнил мои желания.

– Много у тебя их?

– Это как-то связано со сроком, который мне придется тут отслужить?

Нагельхар расхохоталась.

– Посмотрите, какой у вас не по годам развитый ребенок. Нет, кроха. Тебя здесь никто не заставит служить. Ты вольна делать, что считаешь нужным.

– Но я считаю нужным исполнить свои желания.

– Ты так и не сказала, сколько их.

– Два. Одно большое.

– Это научиться летать, на секундочку, – вставила мама.

– ...а второе... Второе – помириться с подругой.

Мама поперхнулась кексом и закашляла.

– Все хорошо? – поинтересовалась Нагельхар.

– Да-да, спасибо, со мной все отлично, – прохрипела она.

– Я не знаю, куда она исчезла, но ее уже несколько дней никто не видел в школе и дома, – продолжила Шева. – Мне кажется, что случилось что-то плохое и это моя вина.

– Из-за чего ты с ней поссорилась? Со своей подругой.

– Она сказала, что ежи лучше кошек в шаманизме.

– Отчасти она была права. А что такое шаманизм?

Шева замялась.

– Я слышала, это когда умеешь менять погоду... Призывать дождь... Вселяться в чужие тела...

Нагельхар удовлетворенно улыбнулась.

– Нельзя начать путь, если не знаешь, в каком направлении будешь двигаться. Ты не глупая. Однако кое в чем ты себя показала как самого глупого котенка в Лесу. Ты видела сон. Ты пришла ко мне. Путь был не самым близким и безопасным. Все мы хорошо знаем, что вы, живущие на опушках, лугах и рощах, думаете о тех, кто стал отшельником во имя вселенского блага. Но почему ты никого не спросила там, где тебе искать? Кто исчез и исчез ли вообще?

Нагельхар потирала свои крупные черные лапу одну о другую и выжидающе смотрела на Шеву и ее маму. Шева пропищала:

– Мама, ты знаешь, где сейчас Пиона?

Мама молчала.

– Ну же, Анфиса. Пора ей сказать.

Мама все еще молчала.

– Вы знаете, что не сможете скрывать это вечность.

Мама подняла глаза от чашки, которую держала в лапах, и посмотрела на Нагельхар.

– Да, пожалуй что так. Дочь, сейчас я скажу тебе одну нехорошую вещь. Но – прежде чем я скажу – знай, что это далеко не последнее такое событие в твоей жизни.

Нагельхар ухмыльнулась.

– Жизнь – не мешок с подарками, это... лотерея, понимаешь? Беспроигрышная. Иногда попадается что-то не слишком хорошее, но зато потом, однажды...

– Мам...

– ...Ты сможешь взять главный приз, и вот такие моменты...

– Мам...

– Малыш... Пионы нигде нет потому, что она переехала. Навсегда.

Шева почувствовала, как в горле начал разрастаться ком. Мама и Нагельхар задрожали в ее глазах.

– Мы с папой сами узнали об этом только недавно. Они почти ничего никому не сказали. Шева закрыла глаза лапками.

– У тебя будет еще много друзей. Так бывает у всех.

– Не нужны мне другие друзья! Пиона не могла так поступить. Она бы обязательно бы мне сказала!

Мама прижала ее к себе.

– Она не могла!

– Ты не видишь ее рядом. Это значит, что смогла, – вставила Нагельхар.

– Значит, ее заставили!

– Может и так, – не стала возражать жрица. – Как бы то ни было, эта девочка заставила тебя задуматься о будущем и прийти сюда.

– Не нужно мне никакое будущее!

– Анфиса, почему вы не научили ее манерам?

– Как вы можете так говорить? Она еще ребенок и ей плохо!

– Нам всем плохо.

Нагельхар вышла из-за стола и принялась составлять в посуду чайные чашки. Шева тихо попискивала у мамы на коленях, уткнувшись по привычке в белый пух на ее животике.

– Одно я знаю точно. Никто не может управляться со своими чувствами лучше, чем жрицы Баст. Сейчас самое время, чтобы подумать о будущем крохи. Мир уже успел показать ей свое злое лицо, и не раз. Но при этом она еще достаточно маленькая и сообразительная, чтобы впитать наше знание...

– Моя дочь не будет сидеть в лесу и разговаривать со статуей. Шева, собирайся, мы уходим отсюда. Спасибо за чай.

Мама резко поставила рыдающую Шеву на ноги и стала отряхивать ее платье от крошек.

Нагельхар склонила голову набок и направилась к ним.

– Котенок, тебе незачем плакать.

Она опустила перед ней на колени и принялась вытирать слезы с щечек и усов.

– Ты не будешь одинокой, даже если уехал какой-то ежик.

Услышав про ежика, Шева заплакала с удвоенной силой.

– Ну поплачь, если тебе так хочется, пока можно. Но сначала посмотри на меня.

Шева размазала слезы пушистыми лапками и посмотрела на Нагельхар.

– Посмотри, Шева. Неужели я выгляжу как сумасшедшая отшельница?

Шева увидела тронутую возрастом, но благородную и густую шерсть, ясные горящие глаза и удивительно стройную, сильную фигуру, на которой даже тога жрицы смотрелась пышно и празднично.

– Нет, – признала Шева, – не выглядишь.

– Еще бы. Я живу вдали от глупых злых существ и общаюсь с богами. Я путешествую по всей вселенной. А ты, – Нагельхар перевела взгляд на маму, – или, может быть, вы – вы выезжали когда-нибудь за пределы континента?

Анфисе очень хотелось что-нибудь сказать, но кроме отрицания было нечего.

– Я делаю это лишь с помощью своего мозга. Анфиса, это место может показаться тебе не самым лучшим для того, чтобы предоставить ему будущее твоей дочери. Но есть моменты, когда не мы делаем решения, а решения делают нас. Если тебе страшно отпустить ее сюда с переездом, то можешь перестать бояться. Делать этого совсем необязательно.

– А что обязательно?

– Обязательно, чтобы девочка приходила ко мне столько раз в неделю, сколько захочет сама, и училась у меня древнему искусству, которое поможет в достижении целей и приведет ее к Баст.

– У меня школа.

– Школа нам не помешает. Тебе нужно будет только принести с собой одеяло и подушку. У меня лишних нет.

Шева настолько обрадовалась, что мама разрешила ей учиться у Нагельхар, что ненадолго даже забыла о своих печалях.

Уже на следующий день папа отнес некоторые ее вещи в храм, в том числе и старое лоскутное одеяло вместе с небольшой подушечкой. Тогда и позже и он, и мама всегда передавали с Шевой что-нибудь для Нагельхар. В основном это были разные лакомства, но случались и керосин, свечи и вкусно пахнущее мыло. Нагельхар с достоинством принимала подарки, но про еду часто говорила, что все равно не может ее есть и лучше принесет ее в дар Баст, сожгя в огромной старой чаше для подношений в том же зале, где стояла статуя богини. Папе было очень интересно увидеть живую пантеру, потому что все считали их давно вымершими. Шева узнала от мамы в тот день, когда они впервые посетили храм, на обратном пути домой, что Нагельхар страшно напугала ее собой – известно, что прямые потомки диких кошек отличались вздорным нравом и не гнушались обижать цивилизованных зверей.

– Она вроде хорошая, малышка. Только слушайся, – приговаривала мама, собирая в плетеную корзинку баночки с джемом и вареной колбасой.

Шеве и в голову не приходило ослушаться. Ее новая наставница внушала ей огромное уважение, Шеве казалось, что если она будет учиться у нее, то с годами и сама станет похожей на пантеру.

Однако от ее восторга мало что осталось, как только Нагельхар ввела ее в курс дела.

– Мы, кошки – лучшие шаманы, каких только мог создать космос. Мы чувствуем жизнь даже в самом маленьком ее носителе и способны овладеть разумом порой очень большого – по крайней мере точно крупнее нас – существа... Но ты же не думаешь, что это все только подарок небес и ничего больше?

– Конечно нет. Баст сказала мне, что мы обязаны служить, если хотим подарков.

– Так и есть, – согласилась Баст, пилящая в этот момент когти у камина в садовом домике. – Да только не так это просто – служить. И еще...

Она отвела лапу с пилкой в сторону и впервые за долгое время посмотрела на свою ученицу, которая сидела на ее кровати и перебирала свое имущество: книжки о насекомых, пару клубочков, несколько кукол и расчески.

– ...Тебе не могла сниться Баст, котенок. Она не снится кому попало и без приглашения. Скорее наоборот – чаще всего ее и с приглашениями не дозовешься... Так что забудь о том, что уже общаешься с богами и умеешь то же, что старая Нагельхар.

– Но это точно была Баст, Нагельхар, – уверенно ответила Шева. – Я это знаю.

– Вот как? Хорошо. И почему ты так уверена? Ты видела ее?

– Да, – уже менее уверенно ответила Шева, которая во сне видела только световой шар над лугом, пусть и очень большой.

– Как она выглядела? У нее была львиная голова и бесшерстное тело?

– Конечно, – соврала Шева. – Иначе как бы я поняла, что это Баст.

– Даже если бы ты увидела ее такой же, какой она изображена в статуе нашего храма, а не врала бы мне сейчас – даже тогда ты увидела бы не ее, а лишь свою волю. Волю, которая неудержимо тянется к богине всеми четырьмя лапами.

– Извини, Нагельхар, а как ты...

Нагельхар гневно распахнула всегда прикрытые спокойные глаза.

– Никогда не извиняйся, котенок. Ты тут учишься на жрицу, а не на поломойку.

– Что плохого в поломойках?

– В поломойках ничего. Плохое в извинениях на пустом месте. Тебе хотелось убедить меня, что ты видела Баст, чтобы я подумала, что у тебя есть настоящие причины учиться у меня. Поэтому ты была готова согласиться с чем угодно. Гораздо важнее твоя воля.

– Ладно.

– Продолжим.

Нагельхар снова взялась за пилку.

– Служить ей – непросто. Так как она покровительствует нам, мы должны быть лучшими из своего рода, чтобы заслужить особое внимание богини. Кошки... что отличает их от тех же ежей, котенок? Скажи мне.

– Ну... мы более гибкие. Быстрые.

– Еще мы красивее ежей и крупнее.

– У нас есть острые когти...

– Это и у ежей есть. С зубами то же самое.

– Точно...

– Сейчас подумай не о физических данных.

Шева задумчиво уставилась в одну из кукол.

– Наверное, мы просто нравимся больше, чем ежи.

– Почему?

– Не знаю. Я почему-то так чувствую.

– Да потому что тело ежа покрыто колючками и мерзкими складками, в то время как кошачье тело, не считая некоторых наших собратьев – мягкое, пушистое. И у каждого свой собственный узор. Мы очень разные. Но при этом мы все умеем очаровывать. Это и было первой по важности причиной, почему люди кормили за свой счет нас, а не ежей.

Шева вспомнила обидные слова Пионы, после которых они с ней поссорились, и захотела услышать, что думает на их счет Нагельхар.

– Знаешь, моя подруга сказала не только, что они лучшие шаманы, чем мы. Еще она сказала – и это обидело меня больше всего, между прочим – что мы совсем потеряли характер, потому что жили с людьми. Что в нас ничего не осталось от предков. Ну... в таких как я.

– Каких таких?

Шева сделала насмешливое лицо. Ей было смешно, что ее посчитали настолько маленькой.

– Я и мои родители – потомки человеческих кошек, как и большинство выживших. Но ты нет. Ты пантера.

– И что?

– Как что? Это значит, что твои предки не жили с людьми и никто из них не потерял свой характер!

– Какой ужас. Ты же не веришь в эти сплетни?

– Вообще-то верю, – нехотя призналась Шева. – Но ведь это правда. Мы с тобой так непохожи.

– Ты не такая умная, как показалось.

– Что поделать, – философски резюмировала Шева и начала раскладывать свои вещи по полкам небольшого шкафчика, который Нагельхар вытащила из кладовой специально для ее вещей.

Она заметила сама, с какой легкостью восприняла замечание Нагельхар. Было непонятно, почему не стало обидно и почему не захотелось поспорить с жрицей. Она ведь на самом деле была умной и все это знали.

– Чтобы богиня заметила тебя, тебе нужно будет работать над собой. Сразу скажу, что жрицей может стать только опытная шаманка. Таким образом, тебе нужно с одной стороны работать над своими привычками и повседневностью, а с другой – над своим даром... который, конечно, не факт что проявится.

– А разве это одно и то же? Дар мой, значит он – я.

– Нет, малышка, это две разных вещи. Тебе не принадлежит ни одна твоя мысль и уж тем более ни один из твоих талантов. Дар шаманизма – в лучшем случае электрический скат, который имел неосторожность запутаться в сетях неумелого рыбака вроде тебя. Пользуйся, пока он не уплыл.

– Он что, однажды может исчезнуть? Если появится.

Нагельхар задумалась.

– Нет, я бы так не сказала, – сказала она, вынырнув из своих мыслей. – Но твоей заслуги в том, что скат запутался в сетях, нет. Это только его воля. И даже то, что сеть расставила ты, имеет мало значения. Он мог бы проплыть мимо.

– О, – восхитилась Шева.

Нагельхар закончила приводить ногти в порядок и решила доложить поленьев в печку.

– Тебе нужно будет отказаться от некоторой еды. Забудь о булочках и других сладостях. Они – удовольствие, которое привязывает тебя к земле и не дает взлететь к звездам. Не путай это с диетой, пожалуйста. Я никак не хочу довести тебя до истощения. Ты должна будешь стать светлее делами и мыслями. Никакого зла. Никакой мести, даже если ты имела бы раньше на нее право. Ты – будущий посол воли богини на земле. Ты не имеешь права посрамлять её. А чтобы развивался дар, милостиво поселившийся в твоей голове – нужно упражняться. Каждый день. Для этого существует несколько медитаций в начале обучения.

– А что потом?

– Потом тебе нужно будет применять его в деле. До совершенства отточить дар получится лишь тогда, когда ты будешь применять его во благо других.

– Но у нас и так все хорошо.

– Да что ты? Ты думаешь, что река, не берущая начало ни в одном полноценном водоеме, по одним лишь законам природы половодна из года в год и приносит вам рыбу, прохладу и питье? Или может, ты думаешь, что никто не приходит сюда в отчаянии, потому что ему не дают покоя увечья и обиды? Нет, котенок. Тебе действительно предстоит многое узнать.

– Понимаю. Скажи, а когда я... приступлю к главной части?

– Какой такой главной части?

– Все началось с того, что я служу Баст для того, чтобы она исполнила мои мечты.

– А. Точно. Это случится, когда ты достаточно послужишь.

– А когда будет достаточно?

– Никто не знает, кроме богини.

Шева почувствовала себя так, словно ее обманывают и просто пытаются спихнуть на нее никому не нужную работу..

– Мне пока что мало во все это верится.

– Зря. Все начнется только с нее. Как бы то ни было, я тебя тут точно не держу. Я не очень люблю детей. Твое общество меня не слишком-то радует. Я лучше бы приютила молодое семейство богомоллов.

Шеву задела эти слова.

– Почему ты пытаешься меня обидеть? Это не в первый раз.

– И очень хорошо, что мои попытки успешны. Кто еще научит терпению, если не старая Нагельхар?

– Ты ничему не учишь. Ты только говоришь мне неприятные вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.